

18+

ДВА ГРАДУСА

НИКИТИНА Д.Д.

Дарья Никитина

Два градуса

Никитина Д. Д.

Два градуса / Д. Д. Никитина —

Ева анализирует аномалии в городской среде. Руми рисует людей, которых ещё не видел. Однажды они оказываются в одном переулке — и в системе появляется баг, который невозможно закрыть. О двух способах не чувствовать. О том, как человек возвращается к себе. И о том, что иногда для этого нужен кто-то, кто смотрит с другого угла.

Содержание

Часть I. Система	6
Глава 1. Ева	6
Глава 2. Руми	10
Глава 3. Ева	15
Глава 4. Руми	18
Глава 5. Ева	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Два градуса

Дарья Дмитриевна Никитина

Между льдом и водой – два градуса.

Между молчанием и словом – тишина.

Между двумя людьми – одна скамейка.

© Дарья Дмитриевна Никитина, 2026

ISBN 978-5-0069-8590-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Система

Глава 1. Ева

Будет больно.

Очки произносят это каждое утро. Не как предупреждение – как факт. Нейтральный синтезированный голос, который я сама выбрала из восемнадцати предложенных вариантов полтора года назад. Я выбрала его за отсутствие интонации. Некоторые голоса звучали слишком участливо. Один – почти нежно. Я удалила его сразу.

06:14. Уровень никотина в крови приближается к пороговому. Нейронная активность в зоне удовольствия – минус семнадцать процентов от базового показателя. Качество сна – шестьдесят два процента. Фаза глубокого сна прервана в 04:31 по неустановленной причине.

Я уже не сплю с четырёх. Просто лежу и смотрю в потолок, пока система не решает, что пора.

Я затягиваюсь.

Квартира просыпается раньше меня – это было частью настройки, которую я сделала в первую же неделю после переезда. Жалюзи поднимаются на тридцать два процента: ровно столько, чтобы не было прямого света на экраны, но достаточно для синтеза витамина D в утренние часы при данном угле падения солнца в этом широтном поясе в это время года. Кофемашина начинает цикл за восемь минут до того, как я открываю глаза, – система научилась определять момент перехода из сна в бодрствование по изменению сердечного ритма и микродвижениям. Температура в квартире поднимается с восемнадцати до двадцати одного градуса – восемнадцать для сна, двадцать один для работы, это оптимально, это доказано, это не обсуждается.

Когда-то я разграничивала: это моё тело, это внешняя система. Потом перестала. Не потому что забыла разницу – просто она перестала быть практически важной.

Система знает моё тело лучше, чем я.

Или точнее: система знает моё тело так же хорошо, как я. Мы знаем его вместе. Это не одно и то же, но это близко.

Я стою у окна. Босые ноги на холодном бетонном полу – это единственное, что я не автоматизировала, единственное ощущение утра, которое приходит без разрешения. Пол всегда холодный. Даже летом. Бетон держит температуру независимо от того, что происходит снаружи. Мне это нравится. Предсказуемость – это форма честности.

За окном – город. Семь утра, а он уже работает: грузовик разворачивается у соседнего здания, кто-то тащит велосипед через турникет, голуби делают что-то бессмысленное на парапете. Люди выглядят как элементы системы – перемещаются по заданным маршрутам, реагируют на сигналы светофоров, собираются в кластеры у входов в метро. Иногда кто-то выбивается из паттерна. Остановится посреди тротуара. Посмотрит вверх. Засмеётся без видимой причины.

Очки предлагают идентифицировать аномалию.

Я смахиваю уведомление.

Город не смотрит в ответ на моё окно. Это правильно. Я не люблю, когда смотрят.

Сигарета – это единственная моя привычка, которую невозможно оптимизировать до конца. Система фиксирует, предупреждает, предлагает альтернативы – пластыри, ингаляторы, поведенческие протоколы отказа. Я пробовала пластыри. Восемнадцать дней. Потом снова купила пачку у автомата на первом этаже в 23:40, в пижаме, и это было единственный раз за тот год, когда я вышла из квартиры после одиннадцати не по рабочей необходимости.

Дело не в никотине. Это я понимаю. Но понимание и ощущение – разные вещи. Сигарета работает как разделитель между ночью и днём. Маленькая граница. Маленькое решение, которое я принимаю сама.

Хотя – сама ли.

Это вопрос, который я давно перестала задавать вслух.

Будет больно, говорят очки.

– Знаю, – говорю я.

Дым уходит в приоткрытую форточку. На подоконнике, в углу, стоит кактус. Я купила его два года назад – прочитала исследование о том, что растения в рабочем пространстве снижают уровень кортизола на двенадцать-восемнадцать процентов. Выбрала кактус, потому что у него минимальные требования к уходу. Это казалось честной сделкой: я даю ему место, он снижает мой кортизол, никто никому не должен ничего сверх договорённого.

Кактус выглядит примерно так же, как выглядел тогда.

Может, чуть хуже. Я не уверена.

– Кактус, – говорю я. Не потому что жду ответа. Просто иногда я проверяю, как звучит мой голос по утрам – не для системы, для себя.

Очки немедленно выдают справку: *Echinopsis pachanoi*. *Последний полив – двадцать один день назад. Рекомендуемый интервал – четырнадцать дней. Вероятность обезвоживания – высокая.*

Я смотрю на кактус ещё секунду.

– Потом, – говорю я и иду в душ.

* * *

Ванная – это единственное помещение в квартире без встроенных экранов. Я специально попросила об этом при ремонте. Архитектор смотрел на меня с лёгким непониманием – большинство его клиентов, наоборот, просили экраны везде, включая зеркало. Я сказала, что мне нужно одно место, где система не видит меня.

Он не стал уточнять.

Вода – двадцать восемь градусов. Я не меняла настройку, наверное, года полтора. В самом начале я экспериментировала: читала, что контрастный душ активизирует симпатиче-

скую нервную систему, повышает концентрацию. Две недели я обливалась ледяной водой под таймер. Показатели когнитивной продуктивности действительно выросли на девять процентов.

Потом я перестала чувствовать холод.

Не постепенно – как-то вдруг. Встала под ледяную воду и поняла, что просто не регистрирую её температуру. Тело получало сигнал, но где-то по дороге сигнал терял интенсивность. Я тогда решила, что это адаптация. Записала в журнал наблюдений: *адаптация к температурному раздражителю, норма.*

Потом закрыла журнал и больше не открывала тот раздел.

Тогда я вернула двадцать восемь градусов. Нейтральная точка. Ни туда ни сюда. Я давно живу в нейтральной точке – это не жалоба, это просто описание.

* * *

Завтрак – это протокол. Белки, сложные углеводы, полиненасыщенные жирные кислоты в нужной пропорции. Смузи по рецепту, разработанному три месяца назад на основе анализа биомаркеров. Вкус – нейтральный. Функция – питание. Всё остальное – лишнее.

Я стою у кухонной стойки и просматриваю утреннюю сводку, пока блендер заканчивает цикл. Очки проецируют данные прямо перед глазами – тонкий слой информации поверх реального мира. Иногда я ловлю себя на том, что смотрю на что-то – на улицу, на стену, на собственную руку – и не могу сразу сказать, что именно вижу: реальный объект или его описание. Это проходит за долю секунды. Я не думаю об этом.

Сегодня в сводке – новый пакет по сектору 7-Дельта.

Я останавливаюсь.

Сектор 7-Дельта – полоса города между Садовым кольцом и рекой, примерно два квадратных километра плотной застройки. Моя задача – отслеживать в таких секторах отклонения от поведенческих норм: аномалии в трафике, в коммуникационных паттернах, в распределении эмоциональных маркеров в публичном пространстве. Флаги в секторе 7-Дельта появились три дня назад. Система дважды пересчитала кластеры – и каждый раз выдавала разный результат. Сегодня утром она пересчитала в третий раз. Снова другой результат.

Это называется баг.

Я допиваю смузи и ставлю стакан в мойку. Баги – это моя работа. Не в техническом смысле: я нахожу места, где реальность ведёт себя не так, как должна вести себя по модели. Места, где паттерн ломается. Где что-то случается, чего не должно было, или не случается то, что должно было.

Я люблю баги. Они требуют решения. А решение – это то, что я умею делать хорошо.

Возможно, единственное.

* * *

Перед выходом я останавливаюсь у двери в конце коридора.

Она всегда закрыта. Не на замок – просто закрыта, и никто, кроме меня, сюда не заходит. Я приоткрываю её.

Комната пустая. Шесть поверхностей покрыты звукоизолирующими панелями, которые поглощают девяносто четыре процента внешнего шума. Посередине – ничего. Один датчик в углу, который измеряет уровень шума в децибелах.

Сегодня – тридцать один децибел фоновый шум.

Я стою в дверях и слушаю. Эту комнату я сделала давно – ещё до того, как многое изменилось. Тогда я думала, что тишина – это просто отсутствие звука. Потом поняла, что нет. Потом перестала понимать, что именно поняла.

Я закрываю дверь и выхожу.

В лифте очки выдают итоговую сводку утра: *пульс 61, давление в норме, когнитивная готовность – восемьдесят восемь процентов, настроение – нейтральное, день начат в штатном режиме.*

Штатный режим. Это тоже называется – всё хорошо.

Двери лифта открываются. Я выхожу в холл – серый мрамор, серый свет, запах чужого кофе. Консьерж кивает. Я киваю в ответ. Мы делаем это каждый день уже год и два месяца, и я не знаю его имени, и он, возможно, не знает моего, и это нормально – нам не нужно знать имена, чтобы обмен работал.

На улице – октябрь. Холодный воздух, запах мокрого асфальта, низкое белёсое небо. Я застёгиваю куртку и иду в сторону метро. Очки прокладывают маршрут автоматически.

Кто-то навстречу улыбается своему телефону. По-настоящему – углы губ, морщинки у глаз, всё.

Очки фиксируют: эмоциональный маркер – радость, интенсивность – высокая.

Я прохожу мимо.

Сектор 7-Дельта ждёт.

Глава 2. Руми

Он проснулся от того, что кто-то был счастлив.

Не рядом – где-то внизу, на улице, может, в соседнем доме. Просто кто-то засмеялся, и этот смех поднялся вверх сквозь старую раму окна, которую он так и не починил, и лёг прямо на грудь, и Руми лежал с открытыми глазами и думал: вот как это устроено. Чужая радость попадает в тебя раньше, чем ты успеваешь решить, впускать её или нет.

Он всегда решал – впускать.

Это было и даром, и проблемой. Преимущественно проблемой.

За окном было утро – не раннее и не позднее, а то самое октябрьское утро, которое не торопится и ни о чём не обещает, просто висит серым молоком над городом и ждёт, пока кто-нибудь придумает ему смысл. Руми смотрел в потолок. На потолке было пятно от прошлогоднего потопа – сосед сверху, кажется, забыл про ванну, – и пятно постепенно, за эти месяцы, превратилось в нечто, похожее на птицу в полёте. Или на женщину, которая падает. Зависело от угла зрения и от того, как Руми себя чувствовал.

Сегодня это была птица.

Он встал не сразу. Сначала просто переместился из горизонтального в сидячее – медленно, как будто проверяя, не рассыплется ли что-нибудь по дороге. Это была привычка, оставшаяся с тех времён, когда он просыпался и сразу, ещё до первой мысли, уже знал, что день будет тяжёлым. Тогда он научился вставать в несколько этапов – сначала сесть, подождать, почувствовать, что несёт этот конкретный день, и только потом вставать по-настоящему.

Сейчас стало лучше. Не то чтобы совсем хорошо, но лучше.

День нёс что-то тихое и немного тревожное, как бывает перед тем, как что-то изменится, хотя ты ещё не знаешь что.

Руми встал.

* * *

Квартира была небольшой и выглядела так, будто в ней живут несколько разных людей, которые договорились делить пространство, но не договорились об эстетике. У одной стены – холст на мольберте, незаконченный, покрытый слоями того, что начиналось как пейзаж, потом стало чем-то абстрактным, потом снова почти пейзажем. Рядом – стопка книг без очевидной системы: что-то про нейробиологию чувств, томик Хафиза в мягкой обложке, инструкция по обслуживанию велосипеда, которую он никогда не читал, но выбросить не мог, потому что на задней обложке кто-то нарисовал маленького осьминога и написал *держись*. Кто нарисовал – он не помнил. Держался.

У другой стены – что-то вроде зоны практики: коврик для йоги, свёрнутый, но не убраный, потому что если убрать, то утром найдёшь причину не расстлать. Рядом – стеклянная бутылка с водой, в которой плавал ломтик засохшего огурца. Руми посмотрел на огурец с лёгким укором и вылил воду в раковину.

– Прости, – сказал он огурцу.

Это тоже была привычка. Говорить с вещами. Не потому что он верил, что они слышат – просто иногда надо было произнести что-нибудь вслух, чтобы убедиться, что утро настоящее.

* * *

Он расстелил коврик.

Йога у Руми была особой – не та, которую показывают на обложках приложений, где загорелые люди стоят в позе воина на фоне заката над океаном. Его йога была медленной и немного неловкой, с паузами, во время которых он просто сидел и слушал, что происходит внутри. Инструктор, у которого он занимался два года назад, однажды сказала ему: ты слушаешь своё тело так, как будто боишься пропустить важное. Он тогда ответил, что так и есть.

Она кивнула и больше ничего не добавила, и это был один из редких моментов, когда Руми почувствовал, что его поняли.

Сегодня тело говорило: что-то будет.

Не плохое, не хорошее – просто что-то. Ощущение лёгкого электрического тока вдоль позвоночника, которое у другого человека могло бы быть предчувствием, а у Руми было просто фоновым шумом существования. Он жил с таким шумом всегда – с тех пор, как себя помнил. В детстве думал, что так у всех. Потом постепенно выяснил, что нет.

Большинство людей не чувствуют чужое настроение, входя в комнату, как температуру воздуха.

Большинство людей не просыпаются от чужого смеха за окном.

Большинство людей смотрят на город – и видят город.

Руми смотрел на город – и видел всё, что в нём болит.

* * *

Завтрак он готовил долго и с удовольствием, потому что это был один из немногих процессов, в которых не нужно было ничего чувствовать, кроме самого процесса. Порезать имбирь – есть запах. Вскипятить воду – есть звук. Насыпать гранолу – есть текстура под пальцами. Всё конкретное, всё здесь, всё сейчас.

Его диетолог – он ходил к диетологу не потому что следил за весом, а потому что однажды прочитал, что питание влияет на эмоциональную регуляцию, и решил попробовать хоть что-нибудь – говорила, что он ест осознанно. Руми вежливо соглашался. На самом деле он ел так, потому что когда ешь осознанно, то несколько минут не думаешь ни о чём, кроме еды. Это было отдыхом.

Он сел у окна с кружкой имбирного чая и посмотрел на улицу.

Утро разворачивалось внизу привычно и всё равно каждый раз по-новому: люди шли на работу с тем особым выражением лица, которое бывает у людей в начале недели, – не злым и не грустным, а просто выключенным, как экран в режиме ожидания. Руми смотрел на них и думал, что у каждого внутри идёт какой-то разговор, который снаружи не слышен. Что каждый из них несёт что-то, чего никто не видит.

Это было красиво и почти невыносимо одновременно.

* * *

Холст ждал его с вечера.

Руми подошёл к нему с кружкой в руке – просто посмотреть, не рисовать ещё. Смотреть на незаконченную работу по утрам он считал важным: ночью что-то происходило с тем, что нанесено на холст, – не физически, конечно, краска не двигалась, но взгляд всегда находил что-то новое, какой-то смысл или форму, которая вчера вечером была невидима.

Сегодня он увидел силуэт.

Не то чтобы нарисованный намеренно – скорее случайно сложившийся из наслоений серого и тёмно-синего, из мест, где краска легла плотнее или растеклась тоньше. Что-то вертикальное, собранное, с прямыми линиями. Что-то, у чего были плечи и что смотрело – куда-то вперёд или вниз, он не мог точно сказать.

Руми наклонил голову.

Силуэт был явно женским. Или нет – просто таким, что женское в нём было сильнее всего остального.

– Привет, – сказал он тихо.

Холст не ответил. Конечно, не ответил.

Руми поставил кружку на подоконник и взял карандаш – не чтобы рисовать, просто держать в руке. Это помогало думать. Он смотрел на силуэт и пытался понять, откуда тот взялся, – вспоминал, что рисовал вчера, какое было состояние, о чём думал. Вчера было ничего особенного. Вечер, музыка, усталость, несколько слоёв краски без конкретного намерения.

Но силуэт был там. Определённый и почему-то знакомый – хотя Руми точно знал, что никогда не видел этого человека.

Или ещё не видел.

Он не стал додумывать. Просто запомнил.

* * *

На улицу он вышел около десяти – позже, чем следовало бы, если бы у него было расписание. Расписания не было. Была мастерская на другом берегу реки, куда он иногда ходил работать, потому что там было лучше освещение и можно было оставлять холсты сохнуть, не переставляя каждый раз всё в квартире. Ещё были случайные заказы – иллюстрации, иногда что-то для галерей, один раз роспись стены в кафе, которое потом закрылось. Этого хватало на жизнь, если жить без лишнего. Он жил без лишнего.

Октябрь встретил его запахом мокрых листьев и далёким звуком чего-то железного – кто-то где-то что-то ремонтировал, и этот звук разлетался по переулку и оседал на фасадах домов. Руми остановился на ступеньках подъезда и несколько секунд просто дышал – намеренно, медленно, как учили. Впустить воздух, почувствовать его, выпустить. Это была не медитация в строгом смысле слова, это было просто способом не утонуть сразу, с первых шагов на улице.

Город был громким.

Не в смысле звука – в смысле всего остального. Люди несли свои состояния открыто, как будто не знали, что их видно. Вот женщина с коляской смотрит в телефон с тем выражением, которое бывает, когда читаешь плохие новости и не хочешь, чтобы кто-то заметил, что тебе плохо. Вот двое мужчин разговаривают у машины – один говорит, другой кивает, но в кивке нет согласия, там что-то другое, усталое. Вот девочка лет восьми тянет маму за руку и показывает на кошку на подоконнике, и мама рассеянно смотрит не туда, и девочка опускает руку.

Руми видел всё это.

Он шёл и видел, и каждое такое наблюдение оседало в нём как маленький камень – не тяжёлый сам по себе, но их было много, и к концу дня он приходил домой с полными карманами.

Это была его жизнь. Он давно перестал злиться на неё за это.

* * *

Мост через реку был его любимым местом в городе.

Не потому что красивый – он был обычный, серый, с выщербленными перилами и неработающим фонарём посередине. Но с него было видно сразу в обе стороны: и туда, где город плотный, тёмный, со стеклянными башнями, которые отражают небо, не пропуская его внутрь, – и туда, где он становился ниже, старше, как будто выдыхал и сутулился. Руми всегда останавливался посередине и смотрел в воду.

Вода была серой сегодня. Спокойной.

И вот тогда он это почувствовал.

Не в первый раз за последние дни – но сегодня отчётливее, чем обычно. Ощущение, что кто-то смотрит. Не угрожающее, не тревожное – просто взгляд, который касается тебя как чужая ладонь на плече, легко, без давления. Руми медленно обернулся.

Мост был почти пустым. Пожилой мужчина с собакой – далеко, у другого конца. Велосипедист, который уже миновал мост и скрылся за поворотом. Никого, кто смотрел бы на него.

Руми снова повернулся к воде.

Ощущение не ушло.

Он был достаточно взрослым и достаточно долго жил в своей голове, чтобы не пугаться таких вещей. Тело иногда знает что-то раньше, чем успеваешь сказать. Это не мистика, это просто то, как работает восприятие, когда ты не заглушаешь его постоянным шумом. Он читал об этом. Он просто верил в это немного больше, чем большинство людей.

Кто-то смотрел.

Или – скоро посмотрит.

Руми достал маленький блокнот, который всегда носил в кармане, и записал одно слово: *силуэт*.

Потом убрал блокнот и пошёл дальше – в мастерскую, через мост, над серой рекой, в сторону той части города, где, как он ещё не знал, в системе появился новый баг, который не мог объяснить себя третий день подряд.

Глава 3. Ева

Сектор 7-Дельта начинался там, где заканчивался нормальный город.

Не в плохом смысле – просто здесь что-то менялось в текстуре пространства. Стекло фасады уступали место кирпичу, тротуары сужались, появлялись деревья, которые никто специально не сажал – они просто выросли сами, где нашли трещину в асфальте, и никто не удосужился их убрать. Очки фиксировали переход: *плотность застройки снижается, уровень шума – двадцать восемь децибел, пешеходный трафик ниже среднего на тридцать один процент.*

Я шла и смотрела на данные, наложенные на улицу.

Баг проявлялся на пересечении двух переменных – эмоциональных маркеров и пространственных паттернов. Система отслеживала агрегированные поведенческие сигналы: скорость шага, направление взгляда, микровыражения лиц в публичном пространстве, паузы у витрин, изменения маршрутов. Всё это складывалось в карту эмоционального состояния района – такую же, как карта трафика, только вместо машин там были настроения.

В секторе 7-Дельта карта не складывалась.

Три дня подряд система фиксировала в одной точке – переулочек между Малой Ордынкой и набережной – аномальную концентрацию того, что алгоритм классифицировал как *неопределённое эмоциональное состояние*. Не грусть, не радость, не тревога. Что-то, для чего в классификаторе не было категории. Люди проходили через этот переулочек и на несколько секунд – ровно на то время, пока шли через него, – выпадали из паттерна. Замедлялись. Иногда останавливались. Смотрели в одну точку.

Потом шли дальше, и всё возвращалось в норму.

Система не знала, что с этим делать. Я тоже пока не знала. Но у меня было преимущество перед системой: я могла прийти и посмотреть сама.

* * *

Переулочек назывался Тихим. Я проверила – это было официальное название, не метафора. Тихий переулочек, дом семь, дом девять, в конце – глухая стена с остатками старой рекламы, почти стёртой временем и дождями. Можно было разобрать только фрагменты: часть лица,

рука с чем-то, что когда-то было продуктом или услугой, и большие буквы, от которых остались только вертикальные палочки без перекладин.

Я вошла в переулок в 10:47.

И сразу остановилась.

Не потому что что-то увидела. Потому что что-то изменилось – в воздухе, в звуке, в чём-то, что очки не фиксировали никаким датчиком. Город снаружи звучал на двадцать восемь децибел. Здесь – двадцать два. Шесть децибел разницы. Это немного. Это не объясняло ничего.

Но тишина здесь была другой.

Я стояла и пыталась разобраться, что именно другое. Тишина как отсутствие звука – это я знала хорошо, у меня дома была целая комната для этого. Но тишина в моей комнате была мёртвой, запечатанной, созданной искусственно. Тишина в этом переулке была живой. Она не поглощала звуки – она как будто их выбирала.

Я проверила данные.

Никаких физических объяснений – ни особой конфигурации зданий, ни звукоотражающих поверхностей. Обычный переулок. Обычные дома.

Очки предложили: *перепроверить калибровку датчика шума.*

– Датчик в норме, – сказала я вслух.

Я пошла дальше, вглубь переулка.

* * *

Посередине стояла скамейка.

Старая, деревянная, с облупившейся зелёной краской, явно не часть городского благоустройства. На спинке было что-то нацарапано – я подошла ближе: *я был здесь и мне было хорошо.* Без даты, без имени.

Я записала в отчёт: *объект – скамейка, несанкционированная установка, состояние удовлетворительное, маркировка – граффити, содержание нейтральное.*

Потом почему-то оглянулась.

Никого. Переулок был пустым. Я не понимала, зачем оглянулась. Очки не фиксировали никакого движения.

Я села на скамейку.

Это не было частью протокола. Я это знала и всё равно села – что-то в этом месте тихо предлагало остановиться. Не требовало. Просто предлагало. И я, которая давно разучилась делать что-либо без причины, вдруг обнаружила, что причина здесь не нужна.

Это был странный момент.

Я сидела три минуты сорок семь секунд. За это время мимо входа в переулок прошли четыре человека. Двое замедлили шаг. Один посмотрел внутрь – коротко, будто против воли – и пошёл дальше.

Вот оно.

Вот что фиксировала система и не могла классифицировать. Не эмоция – реакция. Что-то в этом месте делало с людьми одно и то же: заставляло замедлиться, заставляло выпасть из автоматического режима. Никакого видимого раздражителя. Никакой логики.

Место работало не по правилам.

И оно работало на меня тоже – это я заметила, когда поднялась и пошла дальше. Не сразу заметила. Сначала просто шла, потом остановилась у стены в конце переулка и поняла, что иду медленнее, чем обычно. Что слышу птицу на водосточной трубе. Что не смотрю на данные поверх реальности, а смотрю на реальность саму по себе, и она – кирпич, трещины, влага, старая краска – выглядит достаточно.

Я стою перед стёртой рекламой и думаю: когда я последний раз смотрела на что-нибудь без слоя данных поверх?

Ответ не приходит.

Это тоже данные – только такие, которые я не знаю, куда записать.

* * *

Из переулка я вышла в 11:14.

Двадцать семь минут. По протоколу достаточно было десяти. Я занесла в отчёт: *расширенный сбор полевых данных* – и постаралась не думать об этом дальше.

На улице было шумно после переулочной тишины – как будто кто-то резко прибавил громкость. Я остановилась и подождала, пока очки пересчитают фоновый уровень. Двадцать девять децибел. Норма.

Я шла к метро и прокручивала в голове то, что видела.

Место, которое заставляет людей замедлиться. Тишина, которая выбирает. Скамейка без разрешения и надпись без подписи. Никаких технических объяснений.

И всё равно – баг.

Потому что место работало не по модели. Потому что оно делало что-то с людьми, что не поддавалось классификации. Потому что я – аналитик, человек, у которого есть протокол на любой случай, у которого данные всегда идут впереди ощущений – села на скамейку и просидела почти четыре минуты, не зная зачем.

А потом не сразу ушла.

И это, пожалуй, было самым странным.

* * *

В метро было тесно и шумно. Я встала у двери и открыла черновик отчёта. Написала: *сектор 7-Дельта, Тихий переулок, аномалия подтверждена, природа – неустановленная, требуется повторный визит.*

Подумала. Добавила: *рекомендую расширить временной диапазон наблюдения.*

Это означало, что мне придётся вернуться.

Я закрыла черновик и посмотрела на своё отражение в тёмном стекле двери. Очки. Прямая линия рта. Лицо, которое я видела каждый день и которое давно перестала рассматривать – просто фиксировала как данность, как обои в квартире, к которым привыкаешь настолько, что перестаёшь видеть.

Я смотрела на себя и думала: что происходит, когда место, которое выключает автоматический режим у других людей, выключает его и у тебя?

Поезд тормозил на станции, и в момент, когда колёса скрипнули о рельсы, очки вдруг выдали уведомление, которое я не заказывала: *биометрический показатель – лёгкое учащение пульса, причина не установлена.*

Я смахнула уведомление.

– Помехи, – сказала я тихо, себе под нос.

Двери открылись. Я вышла.

Глава 4. Руми

Город сегодня был в миноре.

Руми определял это примерно так же, как музыканты определяют тональность – не анализируя, а слыша сразу, целиком, с первых секунд. Что-то в том, как люди держали плечи. Что-то в том, как пауза между шагами была чуть длиннее обычного. Октябрь делал своё дело – не жестоко, а методично, как человек, который собирает вещи перед долгой поездкой: забирал свет, забирал тепло, оставлял запах прелых листьев и далёкого дыма.

Руми любил октябрь.

Это было нелогично с точки зрения его нервной системы – ноябрь всегда давался тяжелее, и октябрь был его преддверием, его вступлением, его первым аккордом в долгой минорной теме. Но в октябре было честно. Октябрь не притворялся, что всё хорошо. Он просто говорил: вот, смотри, всё меняется, это нормально, это каждый год.

Руми ценил честность в природе больше, чем в людях. Люди иногда не могли себе этого позволить.

* * *

Он шёл без маршрута.

Это тоже была практика, хотя никакой инструктор её ему не давал – он придумал сам, лет в двадцать два, когда понял, что если всегда идти туда, куда знаешь, то никогда не попадёшь туда, куда нужно. Город открывался иначе, когда ты не знал, куда идёшь: появлялись переулки, которые раньше не замечал, дворы, в которых вдруг обнаруживалось дерево невероятного размера или чья-то забытая детская коляска с букетом засохших цветов внутри, или просто стена особенного цвета в особенном свете.

Руми фотографировал такие вещи – не телефоном, он давно перестал фотографировать телефоном, а в голове. Смотрел, останавливал взгляд, запоминал. Потом это появлялось на холсте – иногда сразу, иногда через месяц, в виде цвета или формы, которую он не мог объяснить, но которая была права.

Сегодня город давал много материала.

* * *

У сквера на Большой Ордынке он остановился, потому что увидел старика, который кормил голубей с такой серьёзностью, как будто это была важная работа. Не рассеянно, не механически – старик бросал хлеб точными маленькими порциями, следил за тем, чтобы каждая птица получила свою долю, отгонял самых настойчивых лёгким движением трости, чтобы дать место тем, кто держался в стороне.

Руми смотрел на него минуты три.

Он думал: вот человек, который решил, что это важно. Что справедливое распределение хлеба между голубями в октябре на Большой Ордынке – это дело, заслуживающее внимания и усилий. И, может быть, он был прав. Может быть, весь смысл в том и состоял – выбрать что-то и делать это с полным присутствием. Без иронии. Без скидок.

Руми достал блокнот и набросал старика в три линии.

Потом пошёл дальше.

* * *

К реке он вышел случайно – или не случайно, потому что ноги часто приводили его к воде без специального намерения, как будто тело знало, что вода помогает. Помогала не успокоиться – просто быть. Вода не требовала от него ничего: ни имени, ни объяснений, ни того, чтобы он чувствовал меньше.

Он прошёл вдоль набережной на восток, туда, где дома становились ниже и набережная сужалась до узкой полосы с позеленевшими перилами. Здесь почти никого не было – только велосипедист, который ехал навстречу и кивнул, и Руми кивнул в ответ, и это было всем взаимодействием, которое потребовалось обоим.

Ощущение взгляда вернулось.

Он остановился у перил и посмотрел на воду. Серая, спокойная, с лёгкой рябью от ветра – почти та же вода, что была с утра с моста, только с другого берега. Ощущение было тем же: не угрожающим, не давящим. Просто присутствие чего-то, направленного на него. Внимание без лица.

Руми подождал.

Иногда, если не гнать ощущение, оно уточнялось – давало больше информации, обретало форму или направление. Он научился этому терпению не сразу. Раньше он пытался немедленно объяснить всё, что чувствовал, – находить источник, классифицировать, убеждаться, что это реально или нереально. Потом понял, что объяснение убивает ощущение раньше, чем оно успеет сказать что-то важное.

Он ждал.

Ощущение не уточнилось. Осталось тем же – тихое, устойчивое, как фоновая нота. Кто-то или что-то находилось в радиусе его восприятия и смотрело. Или смотрело недавно. Или собиралось смотреть.

Руми записал в блокноте: *набережная, восток, 11 утра примерно. Снова. Ближе.*

* * *

От набережной он свернул вглубь – наугад, как всегда, – и попал в переулок.

Тихий переулок – он прочитал название на табличке, потёртой и чуть кривоватой, прибитой к углу дома. Тихий. Он усмехнулся – в городе почти не осталось мест с такими именами, которые ещё соответствовали бы тому, что написано.

Этот соответствовал.

Руми вошёл и сразу почувствовал, как что-то меняется – не резко, а мягко, как меняется давление, когда заходишь в помещение с улицы. Город не исчез, но отступил. Звуки не пропали, но переставили приоритеты: стало слышно птицу, стало слышно собственные шаги, стало слышно, как ветер проходит между домами с тихим ровным звуком, похожим на дыхание.

Он шёл медленно.

Место было обычным и необычным одновременно – Руми хорошо знал эту разницу, он искал такие места намеренно, хотя и не мог объяснить алгоритм поиска. Они просто случались. Места, в которых что-то накопилось – не плохое и не хорошее, а просто много. Много времени, много людей, много чего-то, что люди оставляют в пространстве, когда проходят через него достаточно долго.

Он называл это памятью места.

* * *

В середине переулка стояла скамейка.

Руми увидел её и остановился – не потому что скамейка была чем-то особенным, а потому что рядом с ней воздух был чуть другим. Теплее, что ли. Или плотнее. Или это просто казалось, потому что место в целом было такое – располагающее к тому, чтобы думать, что что-то здесь особенное.

Он подошёл. Прочитал надпись на спинке.

Я был здесь и мне было хорошо.

Руми долго смотрел на эти слова.

Кто-то нашёл нужным сообщить об этом. Не куда идти, не что смотреть, не как называется то, что чувствуешь, – просто: я был здесь, и мне было хорошо. Безадресное, необъяснимое, честное. Руми подумал, что это лучшее граффити, которое он видел в своей жизни, и он видел много граффити, потому что смотрел на стены внимательнее большинства.

Он сел на скамейку.

Дерево было холодным и немного влажным от утренней росы – он почувствовал это через куртку. Хорошо. Конкретно. Здесь.

Он сидел и смотрел на вход в переулок – на ту рамку из двух домов и полоски улицы, которую видел перед собой. Люди проходили мимо входа, не заходя. Иногда кто-то замедлял шаг, смотрел внутрь – и шёл дальше. Руми думал: они чувствуют, но не останавливаются. Чувствуют что-то, что не вписывается в их маршрут, и выбирают маршрут.

Он это понимал. Не осуждал.

Просто сам всегда выбирал остановиться.

* * *

В конце переулка была стена.

Руми подошёл к ней последним – сначала долго сидел, потом медленно шёл, рассматривая кирпич и трещины и то, как влага оставила на фасаде левого дома разводы, похожие на карту несуществующей страны. Стена в конце была покрыта остатками старой рекламы – несколько поколений изображений, каждое поверх предыдущего, и время сделало из них что-то непреднамеренное и прекрасное.

Он видел в этом лицо.

Не конкретное, не чьё-то – просто общий абрис: что-то светлое там, где могли бы быть глаза, тёмная полоса, которая могла быть ртом или подбородком. Слоистое, составное лицо из чужих забытых посланий.

Руми достал блокнот и начал рисовать – быстро, не останавливаясь, пока видение было свежим. Линии ложились сами, без контроля, как всегда бывало, когда он рисовал что-то настоящее. Потом он посмотрел на то, что получилось, и понял, что нарисовал не стену.

Он нарисовал силуэт.

Тот же, что был на холсте утром. Те же прямые линии, та же собранность, то же направление взгляда – вперёд или вниз, не разобрать. Руми закрыл блокнот медленно, как закрывают книгу, которую хочешь потом перечитать.

Он не понимал, что это значит.

Но он давно научился не торопить понимание.

* * *

Из переулка он вышел, когда начал накрапывать дождь – мелкий, октябрьский, почти невесомый. Руми поднял голову и позволил каплям упасть на лицо. Холодные, точные, каждая отдельно.

Он думал о силуэте.

Думал о том, что некоторые люди входят в твою жизнь раньше, чем появляются в ней на самом деле. Сначала – форма на холсте. Потом – линии в блокноте. Потом, может быть, голос. Потом – человек.

Или не потом. Или уже.

Дождь усиливался. Руми застегнул куртку и пошёл в сторону моста, насвистывая что-то без названия, что пришло само и не требовало объяснений. Мимо прошла женщина с зонтом, посмотрела на него с лёгким удивлением – наверное, потому что он улыбался под дождём.

Он улыбался, потому что что-то начиналось.

Он не знал что. Но начало всегда чувствовалось именно так – как дождь, который ты не планировал, и лёгкое тепло в груди, которое не поддаётся никакой классификации.

Очень хорошо, что Ева не умела его классифицировать тоже.

Хотя она об этом ещё не знала.

Глава 5. Ева

Я вернулась домой в восемь вечера.

Не поздно – просто стемнело рано, как это бывает в октябре, и темнота снаружи сделала время субъективно более поздним, чем оно было. Очки скорректировали: *18:00 – закат, 19:47 – астрономические сумерки, текущее время – 20:03.*

Я разулась у входа. Куртку повесила. Сумку поставила на стул.

Всё как всегда.

Система приветствовала возвращение автоматически – свет поднялся до вечернего уровня, температура снизилась на полградуса, кофемашина предложила вечерний цикл. Я отклонила кофе и попросила чай – ройбуш, без кофеина, это был единственный напиток вечером, который система одобряла без комментариев.

Я прошла на кухню.

И остановилась у подоконника.

* * *

Кактус выглядел плохо.

Я смотрела на него и думала, что, наверное, он выглядел так уже какое-то время, но я не замечала. Или замечала и не регистрировала – что, по существу, одно и то же. Он стал другим: раньше он был просто зелёным и вертикальным, а сейчас был зелёным, вертикальным и немного – чуть-чуть, почти незаметно – наклонившимся. Как будто он принял решение упасть, но пока вежливо предупреждал об этом заранее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.